КОЛЛЕКЦИЯ ЛУЧШИХ СКАЗОК
СКАЗКИ Г.Х. АНДЕРСЕНА

Коллекция лучших сказок

Ганс Христиан Андерсен

Коллекция лучших сказок. Сказки Г. Х. Андерсена

Издательский дом "Проф-Пресс"

1835-1872

УДК 82-34
ББК 84(4Дан)

Андерсен Г.

Коллекция лучших сказок. Сказки Г. Х. Андерсена / Г. Андерсен — Издательский дом "Проф-Пресс", 1835-1872 — (Коллекция лучших сказок)

ISBN 978-5-378-35869-4

На страницах этой книги собраны самые известные и любимые сказки великого датского писателя Ганса Христиана Андерсена. Читатель познакомится со сказками «Ганс Чурбан», «Гадкий утёнок», «Оле-Лукойе», «Огниво», «Дюймовочка» и многими другими, которые учат дружбе, смелости и доброте. Каждая история переносит юных читателей в мир фантазии, где оживают удивительные персонажи: храбрые принцессы, мудрые животные и добрые волшебники. Увлекательные сюжеты не только принесут детям радость, но и заставят задуматься о главных жизненных ценностях. В формате PDF A4 сохранен издательский макет книги.

УДК 82-34
ББК 84(4Дан)

ISBN 978-5-378-35869-4

© Андерсен Г., 1835-1872
© Издательский дом "Проф-Пресс", 1835-1872

Содержание

Принцесса на горошине 6
Старый уличный фонарь 11
Цветы маленькой Иды 17
Оле-Лукойе 27
Конец ознакомительного фрагмента. 33

Сказки Г.Х. Андерсена

© Издательский дом «Проф-Пресс», составление, оформление, 2026
© Пересказ. А. Любарская, наследники, 2026

Принцесса на горошине

Жил-был принц, и хотелось ему взять за себя тоже принцессу, только настоящую. Вот он и объездил весь свет, а такой что-то не находилось. Принцесс-то было вволю, да были ли они настоящие? До этого он никак добраться не мог; так и вернулся домой ни с чем и очень горевал, – уж очень ему хотелось достать настоящую принцессу.

Раз вечером разыгралась непогода: молния так и сверкала, гром гремел, а дождь лил как из ведра; ужас что такое!

Вдруг в городские ворота постучали, и старый король пошёл отворять.

У ворот стояла принцесса.

Боже мой, на что она была похожа! Вода бежала с её волос и платья прямо в носки башмаков и вытекала из пяток, а она всё-таки уверяла, что она настоящая принцесса!

«Ну, уж это мы узнаем!» – подумала старая королева, но не сказала ни слова и пошла в спальню.

Там она сняла с постели все тюфяки и подушки и положила на доски горошину; поверх горошины постлала двадцать тюфяков, а ещё сверху двадцать пуховиков.

На эту постель и уложили принцессу на ночь.

Утром её спросили, как она почивала.

– Ах, очень дурно! – сказала принцесса. – Я почти глаз не сомкнула! Бог знает, что у меня была за постель! Я лежала на чём-то таком твёрдом, что у меня всё тело теперь в синяках! Просто ужасно!

Тут-то все и увидали, что она была настоящею принцессой! Она почувствовала горошину через сорок тюфяков и пуховиков, – такою деликатною особой могла быть только настоящая принцесса.

И принц женился на ней. Теперь он знал, что берёт за себя настоящую принцессу! А горошину отдали в кунсткамеру; там она и лежит, если только никто её не украл.

Знай, что история эта истинная!

Старый уличный фонарь

Слышали вы сказку про старый уличный фонарь? Она не бог весть как интересна, но всё-таки прослушать её стоит.

Так вот, жил-был один почтенный старый уличный фонарь; он честно служил много лет, но наконец его решили уволить. Фонарю стало известно, что он последний вечер висит на столбе и освещает улицу, и чувства его можно было сравнить с чувством увядшей балерины, которая танцует в последний раз и знает, что завтра её попросят сойти со сцены. Он с ужасом ждал завтрашнего дня: завтра ему предстояло явиться на смотр в ратушу и впервые представиться «тридцати шести отцам города», которые решат, годен ли он ещё к службе, или нет.

Да, завтра должен был решиться вопрос: отправят ли его освещать какой-нибудь другой мост, ушлют ли в деревню или на фабрику, или же просто сдадут в переплавку. Фонарь могли переплавить во что угодно; но больше всего его угнетала неизвестность: он не знал, будет ли он помнить о том, что некогда был уличным фонарём, или не будет? Так или иначе, он знал, что ему во всяком случае придётся расстаться с ночным сторожем и его женой, которые стали ему близки, как родные. Оба они – и фонарь и сторож – поступили на службу в один и тот же час. Жена сторожа очень гордилась должностью мужа и, проходя мимо фонаря, удостаивала его взглядом только по вечерам, а днём – никогда. Но в последние годы, когда они все трое – и сторож, и жена его, и фонарь – уже состарились, она тоже стала ухаживать за фонарём, чистить лампу и наливать в неё ворвань[1]. Честные люди были эти старики, ни разу не обделили фонарь ни на капельку!

[1] Ворвань (устар.) – жир, добываемый из морских млекопитающих и рыб (прим. ред.)

Итак, фонарь освещал улицу последний вечер, а назавтра должен был отправиться в ратушу.

Эти грустные мысли не давали ему покоя; не мудрено, что он и горел плохо. Порой у него мелькали и другие мысли – он многое видел, на многое пришлось ему пролить свет; в этом отношении он стоял, пожалуй, выше, чем «тридцать шесть отцов города»! Но он молчал и об этом: почтенный старый фонарь не хотел обижать никого, а тем более своё начальство. Фонарь многое видел и запомнил, и время от времени пламя его трепетало, словно в нём шевелились такие мысли: «Да, и обо мне кое-кто вспомнит! Вот хоть бы тот красавец юноша… Много лет прошло с тех пор. Он подошёл ко мне с исписанным листком бумаги, тонкой-претонкой, с золотым обрезом. Письмо было написано женской рукой и так красиво! Он прочёл его два раза, поцеловал и поднял на меня сияющие глаза. «Я счастливейший человек в мире!» – говорили они. Да, только он да я знали, что написала в этом первом письме его возлюбленная. Помню я и другие глаза… Удивительно, как перескакивают мысли! По нашей улице двигалась пышная похоронная процессия; на катафалке, обитом бархатом, везли в гробу тело молодой, прекрасной женщины. Сколько было цветов и венков! Горело такое множество факелов, что они совсем затмили мой свет. Тротуар был заполнен народом – это люди шли за гробом. Но когда факелы скрылись из виду, я огляделся и увидел человека, который стоял у моего столба и плакал. Никогда я не забуду взгляда его скорбных глаз, смотревших на меня».

И много ещё о чём вспоминал старый уличный фонарь в этот последний вечер. Часовой, сменяющийся с поста, тот хоть знает своего преемника и может перекинуться с ним двумя словами; а фонарю не с кем было поделиться своим опытом – рассказать о дожде и снеге, о том, как месяц освещает тротуар и с какой стороны обычно дует ветер.

На мостике, перекинутом через водосточную канаву, находились в это время три кандидата на освобождающуюся должность, которые думали, что выбор преемника зависит от самого фонаря. Одним из этих кандидатов была селёдочная головка, светящаяся в темноте; она полагала, что её появление на фонарном столбе значительно сократит расход ворвани. Вторым была гнилушка, которая тоже светилась и, по её словам, даже ярче, чем вяленая треска; к тому же она считала себя последним остатком дерева, которое некогда было красой всего леса. Третьим кандидатом был светлячок; откуда он взялся – фонарь никак не мог догадаться, но светлячок был тут и тоже светился, хотя гнилушка и селёдочная головка клялись в один голос, что он светит только временами, а потому его и не следует принимать во внимание.

Старый фонарь возразил им, что ни один из кандидатов не светит настолько ярко, чтобы занять его место, но ему, конечно, не поверили. Узнав же, что назначение на должность зависит вовсе не от фонаря, все трое выразили живейшее удовольствие, – он ведь был слишком стар, чтобы сделать верный выбор.

В это время из-за угла подул ветер и шепнул в отдушину фонаря:

– Что я слышу! Ты уходишь завтра? Это последний вечер, что мы встречаемся с тобою здесь? Ну, так вот же тебе от меня подарок! Я проветрю твой череп, да так, что ты не только будешь ясно и точно помнить всё, что когда-либо слышал и видел сам, но увидишь собственными глазами то, что будут рассказывать или читать при тебе другие, – вот какая у тебя будет свежая голова!

– Не знаю, как тебя благодарить, – сказал старый фонарь. – Только бы меня не переплавили!

– До этого ещё далеко, – отвечал ветер. – Ну, сейчас я проветрю твою память. Если ты получишь много таких подарков, как мой, ты проведёшь старость очень и очень приятно!

– Только бы меня не переплавили! – повторил фонарь. – Может быть, ты и в этом случае поручишься за мою память?

– Эх, старый фонарь, будь же благоразумен! – сказал ветер и подул.

В эту минуту выглянул месяц.

– А вы что подарите? – спросил его ветер.

– Ничего, – ответил месяц, – я ведь на ущербе, к тому же фонари никогда не светят за меня, – всегда я за них. – И месяц опять спрятался за тучи – он не хотел, чтобы ему надоедали.

Вдруг на железный колпачок фонаря капнула дождевая капля, казалось, она скатилась с крыши; но капля сказала, что упала из серого облака, и тоже – как подарок, пожалуй даже самый лучший.

– Я проточу тебя, и ты, когда пожелаешь, сможешь проржаветь и рассыпаться в прах за одну ночь!

Фонарю это показалось плохим подарком, ветру – тоже.

– Неужто никто не подарит ничего получше? – зашумел он изо всей мочи.

И в ту же минуту с неба скатилась звёздочка, оставив за собой длинный светящийся след.

– Это что? – вскричала селёдочная головка. – Как будто, звезда с неба упала? И, кажется, прямо на фонарь! Ну, если этой должности домогаются столь высокопоставленные особы, нам остаётся только откланяться и убраться восвояси.

Так все трое и сделали. А старый фонарь вдруг вспыхнул как-то особенно ярко.

– Вот это чудесный подарок! – сказал он. – Я так всегда любовался дивным светом ясных звёздочек. Ведь сам я не мог светить, как они, хоть это и было моим заветным желанием и стремлением, – и вот дивные звёздочки заметили меня, бедный старый фонарь, и послали мне в подарок одну из своих сестриц. Они одарили меня способностью показывать тем, кого я люблю, всё, что я помню и вижу сам. Это даёт глубокое удовлетворение; а радость, которую не с кем разделить, – только полрадости!

– Отличная мысль, – сказал ветер. – Но ты не знаешь, что этот твой дар зависит от восковой свечки. Ты никому ничего не сможешь показать, если в тебе не будет гореть восковая свечка: вот о чём не подумали звёзды. Они принимают и тебя, да и вообще всё, что светит, за восковые свечки. Но теперь я устал, пора улечься! – добавил ветер и улёгся.

На другой день… нет, через него мы лучше перескочим, – на следующий вечер фонарь лежал в кресле. Угадай где? В комнате старого ночного сторожа. Старик попросил у «тридцати шести отцов города» в награду за свою долгую верную службу… старый фонарь. Те посмеялись над его просьбой, но фонарь отдали; и вот фонарь преважно лежал теперь в кресле возле тёплой печки и, право, точно вырос, так что занимал собою почти всё кресло. Старички уже сидели за ужином и ласково поглядывали на старый фонарь: они охотно посадили бы его с собой за стол.

Правда, они жили в подвале, на несколько футов под землёй, и чтобы попасть в их каморку, надо было пройти через вымощенную кирпичами прихожую, – зато в самой каморке было чисто и уютно. Двери были обиты по краям полосками войлока, кровать пряталась за пологом, на окнах висели занавески, а на подоконниках стояли два диковинных цветочных горшка. Их привёз матрос Христиан из Ост-Индии или Вест-Индии. Горшки были глиняные, в виде слонов без спины; вместо спины у них было углубление, набитое землёй; в одном слоне рос чудеснейший лук-порей, а в другом – цветущая герань. Первый слон служил старичкам огородом, второй – цветником. На стене висела большая картина в красках, изображавшая Венский конгресс[2], на котором присутствовали все цари и короли. Старинные часы с тяжёлыми свинцовыми гирями тикали без умолку и вечно убегали вперёд, – но это было лучше, чем если б они отставали, говорили старички.

Итак, сейчас они ужинали, а старый уличный фонарь лежал, как мы знаем, в кресле возле тёплой печки, и ему казалось, будто весь мир перевернулся вверх дном. Но вот старик сторож взглянул на него и стал припоминать всё, что они пережили вместе в дождь и в непогоду, в ясные и короткие летние ночи и в снежные метели, когда так и тянет домой, в подвальчик; а фонарь пришёл в себя и увидел всё это, как наяву.

Да, ветер славно его проветрил!

Старички были работящие, трудолюбивые; ни один час не пропадал у них зря. По воскресеньям, после обеда, на столе появлялась какая-нибудь книжка, чаще всего описание путешествия, и старик читал вслух об Африке, об её огромных лесах и диких слонах, которые бродят на воле. Старушка слушала и поглядывала на глиняных слонов, служивших цветочными горшками.

– Могу себе это представить! – приговаривала она.

А фонарь от души желал, чтобы в нём горела восковая свечка, – тогда старушка, как и он сам, воочию увидела бы всё: и высокие деревья с переплетающимися густыми деревьями, и

[2] Венский конгресс – общеевропейская конференция 1814–1815 годов, в ходе которой были определены границы государств Европы после наполеоновских войн (прим. ред.)

голых чёрных людей верхом на лошадях, и целые стада слонов, уминающих толстыми ногами тростник и кустарник.

– Что проку в моих способностях, если я нигде не вижу восковой свечки! – вздыхал фонарь. – У моих хозяев только и есть, что ворвань да сальные свечи, а этого недостаточно.

Но вот у старичков появилось много восковых огарков; длинные огарки сжигали, а короткими старушка вощила нитки, когда шила. Восковые свечки теперь у стариков были, но им и в голову не приходило вставить хоть один огарочек в фонарь.

– Ну вот, я и лежу тут зря со всеми своими редкими способностями, – сказал фонарь. – Внутри у меня целое богатство, а я не могу им поделиться! Ах, вы не знаете, что я могу превратить эти белые стены в роскошнейшую обивку, в густые леса, во всё, чего вы пожелаете! Да и где вам знать это!

Фонарь, всегда вычищенный, лежал в углу, на самом видном месте. Люди, правда, называли его старым хламом, но старики не обращали на это внимания – они его любили.

Однажды, в день рождения старика, старушка подошла к фонарю, лукаво улыбнулась и сказала:

– Постой-ка, я сейчас устрою иллюминацию в честь своего старика!

Фонарь задребезжал от радости. «Наконец-то их осенило!» – подумал он. Но налили в него ворвань, а о восковой свечке не было и помину. Он горел весь вечер, но знал теперь, что дар звёзд – самый лучший дар – так и не пригодится ему в этой жизни. И вот пригрезилось ему, – с такими способностями не мудрено и грезить, – будто старики умерли, а он попал в переплавку. Фонарю было так же страшно, как в тот раз, когда ему предстояло явиться на смотр в ратушу к «тридцати шести отцам города». Но хоть он и мог по своему желанию проржаветь и рассыпаться в прах, он этого не сделал, а попал в плавильную печь и превратился в чудесный железный подсвечник в виде ангела, который держал в одной руке букет. В этот букет вставили восковую свечку, и подсвечник занял место на зелёном сукне письменного стола. Комната была очень уютна; все полки здесь были уставлены книгами, а стены увешаны великолепными картинами. Здесь жил поэт, и всё, о чём он думал и писал, развёртывалось перед ним, как в панораме. Комната становилась то дремучим лесом, освещённым солнцем, то лугами, по которым расхаживал аист, то палубой корабля, плывущего по бурному морю…

– Ах, какие способности скрыты во мне! – воскликнул старый фонарь, очнувшись от грёз. – Право, мне даже хочется попасть в переплавку! Впрочем, нет! Пока живы старички – не надо. Они любят меня таким, какой я есть, я им заменяю ребёнка. Они чистили меня, питали ворванью, и мне здесь живётся не хуже, чем знати на конгрессе. Чего же ещё желать!

И с тех пор фонарь обрёл душевное спокойствие, да старый, почтенный фонарь и заслуживал этого.

Цветы маленькой Иды

– Бедные мои цветочки совсем завяли! – сказала маленькая Ида. – Вчера вечером они были такие красивые, а теперь совсем повесили головки! Отчего это? – спросила она студента, сидевшего на диване.

Она очень любила этого студента, – он умел рассказывать чудеснейшие истории и вырезывать презабавные фигурки: сердечки с крошками танцовщицами внутри, цветы и великолепные дворцы с дверями и окнами, которые можно было открывать. Большой забавник был этот студент!

– Что же с ними? – спросила она опять и показала ему свой завядший букет.

– Знаешь что? – сказал студент. – Цветы были сегодня ночью на балу, вот и повесили теперь головки!

– Да ведь цветы не танцуют! – сказала маленькая Ида.

– Танцуют! – отвечал студент. – По ночам, когда кругом темно и мы все спим, они так весело пляшут друг с другом, такие балы задают – просто чудо!

– А детям нельзя прийти к ним на бал?
– Отчего же, – сказал студент, – ведь маленькие маргаритки и ландыши тоже танцуют.
– А где танцуют самые красивые цветы? – спросила Ида.

– Ты ведь бывала за городом, там, где большой дворец, в котором летом живёт король и где такой чудесный сад с цветами? Помнишь лебедей, которые подплывали к тебе за хлебными крошками? Вот там-то и бывают настоящие балы!

– Я ещё вчера была там с мамой, – сказала маленькая Ида, – но на деревьях нет больше листьев, и во всём саду ни одного цветка! Куда они все девались? Их столько было летом!

– Они все во дворце, – сказал студент. – Надо тебе сказать, что как только король и придворные переезжают в город, все цветы сейчас же убегают из сада прямо во дворец, и там у них начинается веселье! Вот бы тебе посмотреть! Две самые красивые розы садятся на трон – это король с королевой. Красные петушьи гребешки становятся по обеим сторонам и кланяются – эго камер-юнкеры. Потом приходят все остальные прекрасные цветы, и начинается бал. Гиацинты и крокусы изображают маленьких морских кадетов и танцуют с барышнями – голубыми фиалками, а тюльпаны и большие жёлтые лилии – это пожилые дамы, они наблюдают за танцами и вообще за порядком.

– А цветочкам не может достаться за то, что они танцуют в королевском дворце? – спросила маленькая Ида.

– Да ведь никто же не знает об этом! – сказал студент. – Правда, ночью заглянет иной раз во дворец старик смотритель с большою связкою ключей в руках, но цветы, как только заслышат звяканье ключей, сейчас присмиреют, спрячутся за длинные занавески, которые висят на окнах, и только чуть-чуть выглядывают оттуда одним глазом. «Тут что-то пахнет цветами» – бормочет старик смотритель, а видеть ничего не видит.

– Вот забавно! – оказала маленькая Ида и даже в ладоши захлопала. – И я тоже не могу их увидеть?

– Можешь, – сказал студент. – Стоит только, как опять пойдёшь туда, заглянуть в окошки. Вот я сегодня видел там длинную жёлтую лилию; она лежала и потягивалась на диване – воображала себя придворной дамой.

– А цветы из Ботанического сада тоже могут прийти туда? Ведь это далеко!

– Не бойся, – сказал студент, – они могут летать, когда захотят! Ты видела красивых красных, жёлтых и белых бабочек, похожих на цветы? Они ведь и были прежде цветами, только прыгнули со своих стебельков высоко в воздух, забили лепестками, точно крылышками, и полетели. Они вели себя хорошо, за то и получили позволение летать и днём; другие должны сидеть смирно на своих стебельках, а они летают, и лепестки их стали наконец настоящими крылышками. Ты сама видела их! А впрочем, может быть, цветы из Ботанического сада и не бывают в королевском дворце! Может быть, они даже и не знают, что там идёт по ночам такое веселье. Вот что я скажу тебе: то-то удивится потом профессор ботаники – ты ведь его знаешь, он живёт тут рядом! – когда придёшь в его сад, расскажи какому-нибудь цветочку про большие балы в королевском дворце. Тот расскажет об этом остальным, и они все убегут. Профессор придёт в сад, а там ни единого цветочка, и он в толк не возьмёт, куда они девались!

– Да как же цветок расскажет другим? У цветов нет языка.

– Конечно, нет, – сказал студент, – зато они умеют объясняться знаками! Ты сама видела, как они качаются и шевелят своими зелёными листочками, чуть подует ветерок. Это у них так мило выходит – точно они разговаривают!

– А профессор понимает их знаки? – спросила маленькая Ида.

– Как же! Раз утром он пришёл в свой сад и видит, что большая крапива делает листочками знаки прелестной красной гвоздике; этим она хотела сказать гвоздике: «Ты так мила, я очень тебя люблю!» Профессору это не понравилось, и он сейчас же ударил крапиву по листьям – листья у крапивы всё равно, что пальцы, – да обжёгся! С тех пор и не смеет её трогать.

– Вот забавно! – сказала Ида и засмеялась.

– Ну можно ли набивать ребёнку голову такими бреднями? – сказал скучный советник, который тоже пришёл в гости и сидел на диване.

Он терпеть не мог студента и вечно ворчал на него, особенно когда тот вырезывал затейливые, забавные фигурки, вроде человека на виселице и с сердцем в руках – его повесили за то, что он воровал сердца, – или старой ведьмы на помеле, с мужем на носу.

Всё это очень не нравилось советнику, и он всегда повторял:

– Ну можно ли набивать ребёнку голову такими бреднями? Глупые выдумки!

Но Иду очень позабавил рассказ студента о цветах, и она думала об этом целый день. «Так цветочки повесили головки потому, что устали после бала!» И маленькая Ида пошла к своему столику, где стояли все её игрушки; ящик столика тоже битком был набит разным добром. Кукла Софи лежала в своей кроватке и спала, но Ида сказала ей:

– Тебе придётся встать, Софи, и полежать эту ночь в ящике: бедные цветы больны, их надо положить в твою постельку, – может быть, они и выздоровеют!

И она вынула куклу из кровати. Софи посмотрела на Иду очень недовольно и не сказала ни слова, – она рассердилась за то, что у неё отняли постель.

Ида уложила цветы, укрыла их хорошенько одеялом и велела им лежать смирно, за это она обещала напоить их чаем, и тогда они встали бы завтра утром совсем здоровыми! Потом она задёрнула полог, чтобы солнце не светило цветам в глаза.

Рассказ студента не шёл у неё из головы, и, собираясь идти спать, Ида не могла удержаться, чтобы не заглянуть за спущенные на ночь оконные занавески: на окошках стояли чудесные мамины цветы – тюльпаны и гиацинты, и маленькая Ида шепнула им:

– Я знаю, что у вас ночью будет бал!

Цветы стояли, как ни в чём не бывало, и даже не шелохнулись, ну да маленькая Ида что знала, то знала.

В постели Ида долго ещё думала о том же и всё представляла себе, как это должно быть мило, когда цветочки танцуют! «Неужели и мои цветы были на балу во дворце?» – подумала она и заснула.

Но посреди ночи маленькая Ида вдруг проснулась, она видела сейчас во сне цветы, студента и советника, который бранил студента за то, что набивает ей голову пустяками. В комнате, где лежала Ида, было тихо, на столе горел ночник, и папа с мамой крепко спали.

– Хотелось бы мне знать: спят ли мои цветы в постельке? – сказала маленькая Ида про себя и приподнялась с подушки, чтобы посмотреть в полуоткрытую дверь, за которой были её игрушки и цветы; потом она прислушалась, – ей показалось, что в той комнате играют на фортепьяно, но очень тихо и нежно; такой музыки она никогда ещё не слыхала.

– Это, верно, цветы танцуют! – сказала Ида. – Господи, как бы мне хотелось посмотреть!

Но она не смела встать с постели, чтобы не разбудить папу с мамой.

– Хоть бы цветы вошли сюда! – сказала она.

Но цветы не входили, а музыка всё продолжалась, такая тихая, нежная, просто чудо! Тогда Идочка не выдержала, потихоньку вылезла из кроватки, прокралась на цыпочках к дверям и заглянула в соседнюю комнату. Что за прелесть была там!

В той комнате не горело ночника, а было всё-таки светло, как днём, от месяца, глядевшего из окошка прямо на пол, где в два ряда стояли тюльпаны и гиацинты; на окнах не осталось ни единого цветка – одни горшки с землёй. Цветы очень мило танцевали: они то становились в круг, то, взявшись за длинные зелёные листочки, точно за руки, кружились парами. На фортепьяно играла большая жёлтая лилия – это, наверное, её маленькая Ида видела летом! Она хорошо помнила, как студент сказал: «Ах, как она похожа на фрекен Лину!» Всё посмеялись тогда над ним, но теперь Иде и в самом деле показалось, будто длинная жёлтая лилия похожа на Лину; она и на рояле играла так же, как Лина: поворачивала своё продолговатое лицо то в одну сторону, то в другую и кивала в такт чудесной музыке. Никто не заметил Иды.

Вдруг маленькая Ида увидала, что большой голубой крокус вскочил прямо на середину стола с игрушками, подошёл к кукольной кроватке и отдёрнул полог; там лежали больные цветы, но они живо поднялись и кивнули головками, давая знать, что и они тоже хотят танцевать. Старый Курилка[3] со сломанной нижней губой встал и поклонился прекрасным цветам; они совсем не были похожи на больных – спрыгнули со стола и принялись веселиться вместе со всеми.

В эту минуту что-то стукнуло, как будто что-то упало на пол. Ида посмотрела в ту сторону – это была масленичная верба: она тоже спрыгнула со стола к цветам, считая, что она им сродни. Верба тоже была мила; её украшали бумажные цветы, а на верхушке сидела восковая куколка в широкополой чёрной шляпе, точь-в-точь такой, как у советника. Верба прыгала посреди цветов и громко топала своими тремя красными деревянными ходульками, – она танцевала мазурку, а другим цветам этот танец не удавался, потому что они были слишком легки и не могли топать. Но вот восковая кукла на вербе вдруг вытянулась, завертелась над бумажными цветами и громко закричала:

– Ну можно ли набивать ребёнку голову такими бреднями? Глупые выдумки!

[3] Курилка – горящая щепка, которой освещали избу. (прим. ред.)

Теперь кукла была точь-в-точь советник, в чёрной широкополой шляпе, такая же жёлтая и сердитая! Но бумажные цветы ударили её по тонким ножкам, и она опять съёжилась в маленькую восковую куколку. Это было так забавно, что Ида не могла удержаться от смеха.

Верба продолжала плясать, и советнику волей-неволей приходилось плясать вместе с нею, всё равно – вытягивался ли он во всю длину, или оставался маленькою восковою куколкой в чёрной широкополой шляпе. Наконец уж цветы, особенно те, что лежали в кукольной кровати, стали просить за него, и верба оставила его в покое. Вдруг что-то громко застучало в ящике, где лежала кукла Софи и другие игрушки. Курилка побежал по краю стола, лёг на живот и приотворил ящик. Софи встала и удивлённо огляделась.

– Да у вас, оказывается, бал! – проговорила она. – Что же это мне не сказали?

– Хочешь танцевать со мной? – спросил Курилка.

– Хорош кавалер! – сказала Софи и повернулась к нему спиной; потом уселась на ящик и стала ждать – авось её пригласит кто-нибудь из цветов, но никто и не думал её приглашать. Она громко кашлянула, но и тут никто не подошёл к ней. Курилка плясал один, и очень недурно!

Видя, что цветы и не глядят на неё, Софи вдруг свалилась с ящика на пол и наделала такого шума, что все сбежались к ней и стали спрашивать, не ушиблась ли она? Все разговаривали с нею очень ласково, особенно те цветы, которые только что спали в её кроватке; Софи нисколько не ушиблась, и цветы маленькой Иды стали благодарить её за чудесную постельку, потом увели с собой в лунный кружок на полу и принялись танцевать с ней, а другие цветы кружились вокруг них. Теперь Софи была очень довольна и сказала цветочкам, что охотно уступает им свою кроватку, – ей хорошо и в ящике!

– Спасибо! – сказали цветы. – Но мы не можем жить так долго! Утром мы совсем умрём! Скажи только маленькой Иде, чтобы она схоронила нас в саду, где зарыта канарейка; летом мы опять вырастем и будем ещё красивее!

– Нет, вы не должны умирать! – сказала Софи и поцеловала цветы.

В это время дверь отворилась, и в комнату вошла целая толпа цветов. Ида никак не могла понять, откуда они взялись, – должно быть, из королевского дворца. Впереди шли две прелестные розы с маленькими золотыми коронами на головах – это были король с королевой.

За ними, раскланиваясь во все стороны шли чудесные левкои и гвоздики. Музыканты – крупные маки и пионы – дули в шелуху от горошка и совсем покраснели от натуги, а маленькие голубые колокольчики и беленькие подснежники звенели, точно на них были надеты бубен-

чики. Вот была забавная музыка! Затем шла целая толпа других цветов, и все они танцевали – и голубые фиалки, и красные ноготки, и маргаритки, и ландыши. Цветы так мило танцевали и целовались, что просто загляденье!

Наконец все пожелали друг другу спокойной ночи, а маленькая Ида тихонько пробралась в свою кроватку, и ей всю ночь снились цветы и всё, что она видела.

Утром она встала и побежала к своему столику посмотреть, там ли её цветочки.

Она отдёрнула полог – да, они лежали в кроватке, но совсем, совсем завяли! Софи тоже лежала на своём месте в ящике и выглядела совсем сонной.

– А ты помнишь, что тебе надо передать мне? – спросила её Ида.

Но Софи глупо смотрела на неё и не раскрывала рта.

– Какая же ты нехорошая! – сказала Ида. – А они ещё танцевали с тобой!

Потом она взяла картонную коробочку с нарисованною на крышке хорошенькою птичкой, открыла коробочку и положила туда мёртвые цветы.

– Вот вам и гробик! – сказала она. – А когда придут мои норвежские кузены, мы вас зароем в саду, чтобы на будущее лето вы выросли ещё красивее!

Ионас и Адольф, норвежские кузены, были бойкие мальчуганы; отец подарил им по новому луку, и они пришли показать их Иде. Она рассказала им про бедные умершие цветы и позволила помочь их похоронить. Мальчики шли впереди с луками на плечах; за ними маленькая Ида с завядшими цветами в коробке. Вырыли в саду ямку, Ида поцеловала цветы и опустила коробку в землю, а Ионас с Адольфом выстрелили над могилкой из луков, – ни ружей, ни пушек у них ведь не было.

Оле-Лукойе

Никто в свете не знает столько сказок, сколько знает их Оле-Лукойе. Вот мастер-то рассказывать!

Вечером, когда дети преспокойно сидят за столом или на своих скамеечках, является Оле-Лукойе. В одних чулках он тихо-тихо поднимется по лестнице; потом осторожно приотворит дверь, неслышно шагнёт в комнату и слегка прыснет детям в глаза сладким молоком. В руках у него маленькая спринцовка, и молоко брызжет из неё тоненькой-тоненькой струйкой. Тогда веки у детей начинают слипаться, и они уж не могут разглядеть Оле, а он подкрадывается к ним сзади и начинает легонько дуть им в затылки. Подует – и головки у них сейчас отяжелеют. Это совсем не больно, – у Оле-Лукойе нет ведь злого умысла; он хочет только, чтобы дети угомонились, а для этого их непременно надо уложить в постель! Вот он и уложит их, а потом уж начинает рассказывать сказки.

Когда дети заснут, Оле-Лукойе присаживается к ним на постель. Одет он чудесно: на нём шёлковый кафтан, только нельзя сказать, какого цвета – он отливает то голубым, то зелёным, то красным, смотря по тому, в какую сторону повернётся Оле. Под мышками у него по зонтику: один с картинками, который он раскрывает над хорошими детьми, и тогда им всю

ночь снятся чудеснейшие сказки, а другой совсем простой, гладкий, который он развёртывает над нехорошими детьми: ну, они и спят всю ночь, как чурбаны, и поутру оказывается, что они ровно ничего не видали во сне!

Послушаем же о том, как Оле-Лукойе навещал каждый вечер одного маленького мальчика, Яльмара, и рассказывал ему сказки! Это будет целых семь сказок, – в неделе ведь семь дней.

ПОНЕДЕЛЬНИК

– Ну вот, – сказал Оле-Лукойе, уложив Яльмара в постель, – теперь украсим комнату!

И в один миг все комнатные цветы выросли в большие деревья, которые протянули свои длинные ветви вдоль стен к самому потолку; вся комната превратилась в чудеснейшую беседку. Ветви деревьев были усеяны цветами; каждый цветок по красоте и запаху был лучше розы, а вкусом слаще варенья; плоды же блестели, как золотые. Ещё на деревьях были пышки, которые чуть не лопались от изюмной начинки. Просто чудо что такое! Вдруг поднялись ужасные стоны в ящике стола, где лежали учебные принадлежности Яльмара.

– Что там такое? – сказал Оле-Лукойе, пошёл и выдвинул ящик.

Оказалось, что это рвала и метала аспидная доска: в решение написанной на ней задачи вкралась ошибка, и все вычисления готовы были распасться; грифель скакал и прыгал на своей верёвочке, точно собачка; он очень желал помочь делу, да не мог. Громко стонала и тетрадь Яльмара; просто ужас брал, слушая её! На каждой странице в начале каждой строки стояли чудесные большие и маленькие буквы – это была пропись; возле же шли другие, воображавшие, что держатся так же твёрдо. Их писал сам Яльмар, и они, казалось, спотыкались о линейки, на которых должны были бы стоять.

– Вот как надо держаться! – говорила пропись. – Вот так, с лёгким наклоном направо!

– Ах, мы бы и рады, – отвечали буквы Яльмара, – да не можем! Мы такие плохонькие!

– Так вас надо немного подтянуть! – сказал Оле-Лукойе.

– Ай, нет, нет! – закричали они и выпрямились так, что любо было глядеть.

– Ну, теперь нам не до сказок! – сказал Оле-Лукойе. – Будем-ка упражняться! Раз-два! Раз-два!

И он довёл буквы Яльмара до того, что они стояли ровно и бодро, как любая пропись. Но когда Оле-Лукойе ушёл и Яльмар утром проснулся, они смотрелись такими же жалкими, как прежде.

ВТОРНИК

Как только Яльмар улёгся, Оле-Лукойе дотронулся своею волшебною спринцовкой до комнатной мебели, и все вещи сейчас же начали болтать между собою; все, кроме плевательницы; эта молчала и сердилась про себя на их суетность. Говорить только о себе да о себе и даже не подумать о той, что так скромно стоит в углу и позволяет в себя плевать!

Над комодом висела большая картина в золочёной раме; на ней была изображена красивая местность: высокие старые деревья, трава, цветы и большая река, убегавшая мимо чудных дворцов, за лес, в далёкое море.

Оле-Лукойе снова дотронулся волшебною спринцовкой до картины, и нарисованные на ней птицы запели, ветви деревьев зашевелились, а облака понеслись по небу; видно было даже, как скользила по картине их тень.

Затем Оле приподнял Яльмара к раме, и мальчик стал ногами прямо в высокую траву. Солнышко светило на него сквозь ветви деревьев, он побежал к воде и уселся в лодочку, которая колыхалась у берега. Лодочка была выкрашена красною и белою краской, паруса блестели,

как серебряные, и шесть лебедей в золотых коронах с сияющими голубыми звёздами на головах повлекли лодочку вдоль зелёных лесов, где деревья рассказывали о разбойниках и ведьмах, а цветы – о прелестных маленьких эльфах и о том, что рассказывали им бабочки.

Чудеснейшие рыбы с серебристою и золотистою чешуёй плыли за лодкой, ныряли и плескали в воде хвостами; красные, голубые, большие и маленькие птицы летели за Яльмаром двумя длинными вереницами; комары танцевали, а майские жуки гудели «Бум! Бум!»; всем хотелось провожать Яльмара, и у каждого была для него наготове сказка.

Да, вот это было плавание!

Леса то густели и темнели, то становились похожими на чудеснейшие сады, освещённые солнцем и усеянные цветами. По берегам реки лежали большие хрустальные и мраморные дворцы; на балконах их стояли принцессы, и всё это были знакомые Яльмару девочки, с которыми он часто играл.

Они протягивали ему руки, и каждая держала в правой руке славного обсахаренного пряничного поросёнка, – такого редко купишь у торговки. Яльмар, проплывая мимо, схватывался за один конец пряника, принцесса крепко держалась за другой, и пряник разламывался пополам; каждый получал свою долю: Яльмар побольше, принцесса поменьше. У всех дворцов стояли на часах маленькие принцы; они отдавали Яльмару честь золотыми саблями и осыпали дождём изюма и оловянными солдатиками – вот что значит настоящие-то принцы!

Яльмар плыл через леса, через какие-то огромные залы и города.

Проплыл он и через тот город, где жила его старая няня, которая нянчила его, когда он был ещё малюткой, и очень любила своего питомца. И вот он увидел её: она кланялась, посылала ему рукою воздушные поцелуи и пела хорошенькую песенку, которую сама сложила и прислала Яльмару:

Мой Яльмар, тебя вспоминаю
Почти каждый день, каждый час!
Сказать не могу, как желаю
Тебя увидать вновь хоть раз!
Тебя ведь я в люльке качала,
Учила ходить, говорить,
И в щёчки, и в лоб целовала,
Так как мне тебя не любить!
Люблю тебя, ангел ты мой дорогой!
Да будет вовеки Господь Бог с тобой!

И птички подпевали ей, цветы приплясывали, а старые ивы кивали, как будто Оле-Лукойе и им рассказывал сказку.

СРЕДА

Ну и дождь лил! Яльмар слышал этот страшный шум даже во сне; когда же Оле-Лукойе открыл окно, оказалось, что вода стояла вровень с окном. Целое озеро! Зато к самому дому причалил великолепнейший корабль.

– Хочешь прокатиться, Яльмар? – спросил Оле. – Побываешь ночью в чужих землях, а к утру – опять дома!

И вот Яльмар, разодетый по-праздничному, очутился на корабле. Погода сейчас же прояснилась, и они поплыли по улицам, мимо церкви, – кругом было сплошное огромное озеро. Наконец они уплыли так далеко, что земля совсем скрылась из глаз. По поднебесью неслась стая аистов; они тоже собрались в чужие тёплые края и летели длинною вереницей, один за

другим. Они были в пути уже много-много дней, и один из них так устал, что крылья почти отказывались ему служить. Он летел позади всех, потом отстал и начал опускаться на своих распущенных крыльях всё ниже и ниже, вот взмахнул ими ещё раза два, но… напрасно! Скоро он задел за мачту корабля, скользнул по снастям и – бах! – упал прямо на палубу.

Юнга подхватил его и посадил в птичник к курам, уткам и индейкам. Бедняга аист стоял и уныло озирался кругом.

– Ишь какой! – сказали куры.

А индюк надулся, как только мог, и спросил у аиста, кто он таков; утки же пятились, подталкивали друг друга и крякали: «Дур-рак! Дур-рак!»

И аист рассказал им о жаркой Африке, о пирамидах и страусах, которые носятся по пустыне с быстротой диких лошадей, но утки ничего этого не поняли и опять стали подталкивать одна другую:

– Ну, не дурак ли он?

– Конечно, дурак! – сказал индюк и сердито забормотал. Аист замолчал и стал думать о своей Африке про себя.

– Какие у вас чудесные тонкие ноги! – сказал индюк. – Почём аршин?

– Кряк! Кряк! Кряк! – закрякали смешливые утки, но аист как будто и не слыхал.

– Могли бы и вы посмеяться с нами! – сказал аисту индюк. – Очень забавно было сказано! Да куда, это, верно, слишком низменно для него! Вообще нельзя сказать, чтобы он отличался понятливостью! Что ж, будем забавлять самих себя!

И курицы кудахтали, утки крякали, и это их ужасно забавляло.

Но Яльмар подошёл к птичнику, открыл дверцу, поманил аиста, и тот выпрыгнул к нему на палубу – он уже успел отдохнуть. И вот аист как будто поклонился Яльмару в знак благодарности, взмахнул широкими крыльями и полетел в тёплые края. А курицы закудахтали, утки закрякали, индюк же так надулся, что гребешок у него весь налился кровью.

– Завтра из вас сварят суп! – сказал Яльмар и проснулся опять в своей маленькой кроватке.

Славное путешествие сделали они ночью с Оле-Лукойе!

ЧЕТВЕРГ

– Знаешь что? – сказал Оле-Лукойе. – Только не испугайся! Я сейчас покажу тебе мышку! – и правда, в руке у него была прехорошенькая мышка. – Она явилась пригласить тебя на свадьбу! Две мышки собираются сегодня ночью вступить в брак. Живут они под полом мамашиной кладовой. Чудесное помещение, говорят!

– А как же я пройду сквозь маленькую дырочку в полу? – спросил Яльмар.

– Уж положись на меня! – сказал Оле-Лукойе. – Ты у меня сделаешься маленьким.

И он дотронулся до мальчика своею волшебною спринцовкой. Яльмар вдруг стал уменьшаться, уменьшаться и наконец сделался величиною всего с пальчик.

– Теперь можно будет одолжиться мундиром оловянного солдатика. Я думаю, этот наряд будет вполне подходящим: мундир так красит, ты же идёшь в гости!

– Ну, хорошо! – согласился Яльмар, переоделся и стал похож на образцового оловянного солдатика.

– Не угодно ли вам сесть в напёрсток вашей матушки? – сказала Яльмару мышка. – Я буду иметь честь отвезти вас.

– Ах, неужели вы сами будете беспокоиться, фрекен![4] – сказал Яльмар, и они поехали на мышиную свадьбу.

Проскользнув в дырочку, прогрызенную мышами в полу, они попали сначала в длинный узкий проход-коридор, в котором как раз только и можно было проехать в напёрстке. Коридор был иллюминирован гнилушками.

– Ведь чудный запах? – спросила мышка-возница. – Весь коридор смазан салом! Что может быть лучше?

Наконец добрались и до самой залы, где праздновалась свадьба. Направо, перешёптываясь и пересмеиваясь между собой, стояли все мышки-дамы, а налево, покручивая лапками усы, – мышки-кавалеры. По самой же середине, на выдолбленной корке сыра, возвышались жених с невестой и целовались на глазах у всех: они были ведь обручены и готовились вступить в брак.

А гости всё прибывали да прибывали; мыши чуть не давили друг друга насмерть, и вот счастливую парочку оттеснили к самым дверям, так что никому больше нельзя было ни войти, ни выйти.

Зала, как и коридор, вся была смазана салом; другого угощенья и не было; в виде же десерта гостей обносили горошиной, на которой одна родственница новобрачных выгрызла их имена, то есть, конечно, всего-навсего две первые буквы. Диво, да и только! Все мыши объявили, что свадьба была великолепная, и что время проведено очень приятно.

[4] Фрекен – обращение в скандинавских странах к незамужней женщине.

Яльмар поехал домой. Довелось и ему побывать в знатной компании, зато пришлось порядком съёжиться и облечься в мундир оловянного солдатика.

ПЯТНИЦА

– Просто не верится, сколько есть пожилых людей, которым страх как хочется залучить меня к себе! – сказал Оле-Лукойе. – Особенно желают этого те, кто сделал что-нибудь дурное. «Добренький, миленький Оле, – говорят они мне, – мы просто не можем сомкнуть глаз, лежим без сна всю ночь напролёт и видим вокруг себя все свои дурные дела. Они, точно гадкие маленькие тролли, сидят по краям постели и брызжут на нас кипятком. Хоть бы ты пришёл и прогнал их. Мы бы с удовольствием заплатили тебе, Оле! – добавляют они с глубоким вздохом. – Спокойной же ночи, Оле! Деньги на окне!» Да что мне деньги! Я ни к кому не прихожу за деньги!

– Что будем делать сегодня ночью? – спросил Яльмар.

– Не хочешь ли опять побывать на свадьбе? Только не на такой, как вчера. Большая кукла твоей сестры, та, что одета мальчиком и зовётся Германом, хочет повенчаться с куклой Бертой; кроме того, сегодня день рождения куклы, и потому готовится много подарков!

– Знаю, знаю! – сказал Яльмар. – Как только куклам понадобится новое платье, сестра сейчас празднует их рождение или свадьбу. Это уж было сто раз!

– Да, а сегодня ночью будет сто первый и, значит, последний! Оттого и готовится нечто необыкновенное. Взгляни-ка!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.